

ДЕМЬЯНКОВ В. З.

ПОНИМАНИЕ КАК ИНТЕРПРЕТИРУЮЩАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Слово «понимание» настолько привычно в обыденной речи, что ему нередко отказывают в праве на терминологичность в лингвистике. А ведь исследование языка как раз и заключается в выяснении того, какими языковыми средствами и опираясь на какие «вехи» в речи, в тексте и т. п., мы достигаем понимания [1]. Важно поэтому выяснить: а) какие действия выполняет «понимающий», каким образом и в какой последовательности и б) как говорящий обеспечивает понятность своей речи.

В задачу данной статьи входит такое рассмотрение существующих концепций «понимания», которое позволило бы разграничить собственно «понимание», «уразумение» и «недоразумение» как разновидности общего понятия «интерпретация».

Концептуальный анализ в лингвистике опирается обычно на следующие две линии: а) рассмотрение того, как употребляются слова, соответствующие конкретному понятию (в данном случае этими словами являются «понимание», «понятность», «понимать» и т. п.), и б) сопоставление способов определения понятия и косвенных его характеристик в предшествующих исследованиях. Обе линии связываются в истории науки с именем Аристотеля. Из них в данной статье предпочтение отдается второй, нашедшей свое естественное продолжение в «стиле семиологической грамматики» [2].

В определение «понимания» входит набор вспомогательных характеристик, которые можно — за отсутствием лучшего термина — назвать «модулями понимания». Это — составные части процесса, образующие относительно независимые подзадачи.

Начнем с первого модуля — использования языкового знания. «Понимание» — это то, что объединяет автора высказывания и его адресата. В этом смысле «понимание» и «язык» — понятия одного ряда [3]. Возможность, предоставляемые языком для понимания, соотнесены с тем, что А. Ф. Лосев называет «языковой валентностью» [4]. В рамках данного модуля язык определяет «понимание» и является его необходимым условием [5, с. 140]. В понимание вовлечена определенная степень уверенности в адекватном знании языка высказывания [6, с. 211]. Соответственно, можно говорить о таких характеристиках «понимания», как компетентность в языке и языковая уверенность. Частное проявление компетентности — владение значением слов, входящих в понимаемое выражение [7, с. 84].

И компетентность, и языковая уверенность очень индивидуальны. Стандарт компетентности — владение языком в определенном объеме — меняется с развитием языка и определяется чем-то вроде «общественного мнения». Этот стандарт не всегда прямо определяет языковую уверенность: так, мы можем иногда и не подозревать, что владеем языком ниже стандартного уровня, когда интерпретируем речь другого поколения или общаемся на иностранном языке, что может служить поводом для различных недоразумений.

В свое время Кондильяк высказал следующее мнение: «Но согласитесь, что часто вы говорите на своем языке, сами не понимая, что вы говорите, или — самое большее — вы понимаете себя приблизительно... По-видимому, чтобы поддержать беседу между собой, мы молчаливо соглашаемся, что слова замещают идеи, подобно тому, как в игре жетоны замещают деньги. И хотя все в один голос осуждают тех, кто играет безрассудно, не будучи осведомлен о цене жетонов, всякий может безнаказанно гово-

речь, не будучи обучен цене слов» [8, с. 187—188]. Действительно, отношения между знаками языка бывают осознаны в различной степени. Какова же степень фиксированности этих отношений? Могут ли они осознаваться как меняющиеся по ходу понимания? В. Н. Волошинов, видимо, считал, что не могут: «...понимание может осуществляться только в каком-нибудь знаковом материале (например, во внутренней речи)... Ведь понимание знака есть отнесение данного понимаемого знака к другим, уже знакомым знакам...» [9, с. 17—18]. Ведь в противном случае, т. е. если бы система не была фиксирована, такое отнесение нельзя было бы представить как сопоставление знаков. Но разве исключены случаи, когда по ходу понимания усваиваются новые знаки (слова, конструкции, новые значения и т. д.)? Тогда «понимание знака» выглядит не как соотнесение части интерпретируемого выражения с эталоном (хранимым в жесткой системе знаков), а как двойная операция: гипотетическое расширение системы (за счет введения в нее нового элемента и переоценки значимостей уже имеющихся в ней элементов) и интерпретация самого выражения на фоне новой системы. Например, такая двойная операция требуется для понимания предложений: *Назовем квадратосферой фигуру, похожую одновременно на квадрат и на сферу; В дальнейшем будут рассматриваться только альфа-кентавры, т. е....*

В тех концепциях, в которых понимание предложения предполагает реконструкцию анализа предложения на каждом из лингвистических уровней [10], жесткость системы не постулируется явно. Однако при этом весьма редки попытки показать, как такое понимание осуществлялось бы в случае указанной двойной операции.

Итак, в данном модуле выявляется та характеристика понимания, которую можно назвать языковой закрепленностью понимания, причем в граничных случаях имеем: а) жестко установленный код (исключающий какие-либо новые знаки) и б) совершенно неизвестный интерпретатору язык (тогда, если и происходит понимание, то только на основании других модулей). Реально же мы имеем дело с массой промежуточных степеней закрепленности.

Второй модуль представляет собой построение и верификацию гипотетических интерпретаций. Ход понимания как процесс порождения ожиданий (гипотез) относительно дальнейшего течения интерпретируемых событий (в частности, относительно того, что в понимаемом тексте последует далее) включает в понимание и процедуру подтверждения или отклонения гипотез [11]. При таком подходе проясняется роль принципа линейного развертывания речи в интерпретации. Понимая дискурс, мы не ждем, пока закончится очередное предложение (чтобы после этого начать его анализировать): понимание параллельно линейному развертыванию речи. Однако, в силу линейности, сложные отношения между членами структуры (высказывания, дискурса и т. д.) подаются как бы в «сплюсненном» виде. Скажем, логически однородные члены суждения в речи по необходимости выстраиваются в ряд.

Поэтому, во-первых, адекватное понимание связано с распознаванием истинных иерархий в высказывании, что не всегда однозначно выполнимо и обычно имеет статус гипотезы. Во-вторых, по ходу общения возможно переосмысление ранее понятого: в терминах данной концепции это объясняется как отказ от той или иной гипотетической интерпретации на фоне последующего дискурса (о таком эффекте «ретроакции» см. [12]). В-третьих, одни интерпретации высказывания в конкретном контексте более правдоподобны, чем другие, что свидетельствует об определенной иерархии гипотез по шкале правдоподобия и о том, что по ходу дальнейшего понимания одни из гипотез будут легче отвергнуты, чем другие. И, в-четвертых, понимание «сразу» тем легче, чем дольше мы общаемся: если интерпретирование представить как прохождение лабиринта (разветвления в лабиринте — это альтернативные возможности интерпретации), то естественно говорить о постепенном привыкании к специфике лабиринта, к степени его запутанности и т. п. Действительно, понимание можно было бы охарактеризовать как постепенное приспособление к меняющемуся контек-

сту [13]. Поэтому привычность понимания является той переменной величиной, которая характеризует и легкость выдвижения гипотез.

Третий модуль — «свое н и е» с к а з а н н о г о. Точке зрения Кондилляка («понимание — это обмен знаками») противостоит концепция, согласно которой люди, общаясь, «затрагивают друг в друге то же звено цепи чувственных представлений и понятий. прикасаются к тому же клавишу своего духовного инструмента, вследствие чего в каждом восстают соответствующие, но не те же понятия» [5, с. 140]. Таким образом, понимание другого человека рисуется как «происходящее от самого себя» [5, с. 142]. В терминах направления, получившего название «семантики возможных миров», это положение можно сформулировать так: при понимании чужой речи некоторый внутренний мир (называемый «модельным миром») строится по конкретному высказыванию, тексту и т. п. из внутренних ресурсов интерпретатора, а не берется поэлементно из чужого внутреннего мира (о философских основах «семантики возможных миров» см. [14]; интересная интерпретация понятия «возможного мира» содержится в [15]).

«Внутренний мир» — это отрывок, или моментальный срез внутренней жизни. «Модельный мир» как бы «достраивается» до внутренней жизни интерпретатора и существует иногда параллельно дальнейшему течению его внутренней жизни, а иногда и полностью исключает ее (когда мы «с головой» уходим в перипетии захватившей нас книги). До того момента, как мы впервые столкнулись с главным героем литературного произведения (или с другим лицом, глазами которого мы следим за ходом событий), он «прожил» нашу личную внутреннюю жизнь: наше с ним прошлое одинаково. Если далее автор считает нужным сообщить дополнительные сведения о прошлом героя, то тем самым он меняет и момент нашего с ним отождествления. Таким образом, мы погружаемся все больше в другую жизнь, в которой играем совсем не ту роль, что в реальной внутренней жизни. Впрочем, данная метафора «внутреннего мира», — пусть даже и разросшаяся в четко сформулированную логико-философскую концепцию, может, к сожалению, привести к излишним упрощениям: интерпретация художественного произведения опирается, помимо прочего, на конкретную т р а д и ц и ю ч т е н и я, хранимую в конкретную эпоху конкретным народом (обилие интересных наблюдений и обобщений можно найти в книге Д. С. Лихачева [16]).

Модельный мир строится как в «контексте психики» (понимание «внутреннего знака», или самонаблюдение), так и в рамках «идеологической системы» в смысле В. Н. Волошинова (при понимании чужой речи) [9, с. 45]. Понимание обогащено интерпретацией контекста и знаниями интерпретатора, взятыми в рамках социума, и поэтому отлично от простого «узнавания» [9, с. 82]. «Акт понимания» требует умственного усилия [17]: комбинирование и наложение различных контекстных условий — результат деятельности субъекта понимания, а не простое взаимодействие обстоятельств самих по себе. Этот акт по-разному представляется различными исследователями. 1) Он в корне отличается от воссоздания «картины. рисуемой предложением» [18, с. 19]. Действительно, предложениям типа *Бедность — не порок* такую картину приписать трудно, а понимая предложение *У собаки четыре лапы*, мы вовсе не всегда сначала «видим» контуры знакомой Жучки, а затем и каждую из ее конечностей, одну за другой или все вместе. 2) Понимание предложения — это отыскание тех фантастических образов, которые наделяют выражение психическим характером, приписывая тем самым содержание высказыванию [19]. Первый взгляд «вкладывается» во второй, что предreshает неуспех попыток представить содержание предложения исключительно с помощью зрительных изображений (ср., например, запись семантической структуры предложения в рамках предикатно-аргументной формулы, когда предикаты отображают только физические, «зримые» состояния и действия, а аргументы — только зрительно воспринимаемые сущности) [20, 21].

Во многих направлениях логики условия истинности высказывания в конкретном возможном мире определяются как соответствие этому воз-

можному миру, рассматриваемое, в свою очередь, как набор элементарных пропозиций (т. е. истинное высказывание должно быть равносильно конъюнкции некоторого подмножества пропозиций из этого набора). В концепциях, в которых понимание приравнивается знанию того, какие условия истинности зависят от значения слов и от конструкции предложения [22], построение модельного мира можно представить как «пошаговое интерпретирование, основанное на правилах перевода синтаксической структуры предложения и входящих в него лексических единиц, и установление соответствующей пропозиции, которая сама входит в определенное множество возможных миров (в смысле Хинтикки), постепенно сужающееся по ходу интерпретации. Такой процесс включает установление референции и значения морфем или слов, из которых предложение составлено [10]. Получаемый модельный мир (один или несколько) отражает не только структуру мыслимой «картины» для предложения, но и соответствия между списком «персонажей» этой картины и множеством допустимых исполнителей их ролей в таком возможном мире. В результате сужения возможностей по ходу интерпретации бесконечное множество сущностей сводится к конечному множеству символов [7, с. 84].

Правдоподобие такого взгляда подтверждается тем, что о понимании говорят не только когда узнается значение сказанного, но и когда понимающий устанавливает, «о чем идет речь» [23]. Возможность резюмировать даже сравнительно длинный дискурс представляется тогда как способность «выхватить» из модельного мира наиболее существенные черты (представленные элементарными пропозициями). Те связи, которые улавливаются в таком мире (т. е. либо «встраиваются» в него самим интерпретатором по ходу понимания, либо — неожиданно для самого интерпретатора — как бы сами «высвечиваются» из получаемого результата), позволяют сравнительно легко, оперативно находить информацию, необходимую для резюмирования и дальнейшей «достройки» этого мира [24] и существенную для дальнейшего понимания. Вследствие этого информация как бы «выстраивается» по степени существенности для говорящего в определенной иерархии, что создает в модельном мире своеобразное «поле напряжения» [25]. Строя модельный мир, интерпретатор устанавливает отношение между символом и фактом [26], но не непосредственно, а с помощью этого модельного мира.

Взгляд на понимание как на процесс интерпретации выражает то представление, что слова — это обычно не более, чем «намек» [17]: задача состоит не в том, чтобы их «расшифровать» (т. е. перекодировать), а в том, чтобы установить, что за ними лежит. Причем существенно, что мы «познаем не только то, что читаем, но и во что верим» [27, с. 301], т. е. констатируем непротиворечивость друг другу уже построенной части модельного мира, нашей внутренней жизни и ориентации дальнейшего интерпретирования. Понимание не сводится к пассивному зеркальному отражению свойств вещи (это было очевидно уже средневековому философу Дунсу Скоту [28]): в интерпретацию мы вкладываем и часть своего внутреннего мира. Поэтому если и говорить о понимании как о «процессе постижения смысла», то постижение следует трактовать как постепенное «достраивание», восполнение недостающих деталей, как подключение к целому, но не как угадывание целого.

Итак, выявляются следующие характеристики третьего модуля понимания: степень реалистичности (или, наоборот, фантастичности) интерпретации, правдоподобие, контраст модельного мира и внутренней жизни интерпретатора, «поле напряжения» интерпретации, активность понимания.

Четвертый модуль устанавливает замысел, намерения и мотивацию высказывания. Для этого интерпретатор не может обойтись простым угадыванием, по двум причинам. Во-первых, интерпретируется и собственная речь, поэтому неудачно говорить об угадывании вообще: скорее в таком случае мы имеем дело с восприятием собственной речи «со стороны» [29], с «проигрыванием про себя» возможных результатов высказывания по ходу произнесения или написания его (или

даже по ходу его обдумывания). Модельный мир говорящего (получаемый по ходу интерпретации собственной речи) вовсе не всегда совпадает с текущим срезом его действительной внутренней жизни: иначе был бы правилом, а не исключением тот случай, когда «что на уме, то и на языке». Во-вторых, конкретный способ понимания чужого высказывания может выходить далеко за пределы замысла автора речи [5, с. 181].

Интерпретирование замысла возможно в двух планах: а) установление того, что имеется в виду в высказывании (и, возможно, выражено неадекватно, — скажем, вследствие слабой компетентности в языке), и б) распознавание стратегического замысла говорящего или интерпретация замысла на основании только высказывания (когда мы опасаемся, что нашу речь истолкуют превратно, последний случай приобретает особую важность). Нас поймут (распознав замысел), в соответствии с первой возможностью, если мы оговоримся, перепутаем фамилию, не сможем справиться с акцентом и т. п. Когда же фразу *Как здесь дует* истолковывают как просьбу закрыть форточку, мы имеем дело с установлением второго плана интерпретации.

Однако и тот, и другой случаи заставляют говорить о «предсказывающем» понимании [30, 31], т. е. о постоянном конструировании и корректировке «теории» интерпретатора относительно целей, мотивов и намерений лиц, «действующих» в модельном мире и в ситуации высказывания. Итак, к характеристикам понимания данного модуля относятся: степень отстраненности (или наоборот, эмпатии) понимания и его «теоретичность».

С помощью следующего, пятого модуля мы осознаем нетождественность внутреннего и модельного миров. Между мирами говорящего и интерпретатора нет тождества: этим понимание отличается от простого восприятия знаков. Даже когда говорящий «понимает себя» (интерпретирует собственную речь), его внутренний мир меняется. Вот почему справедливы слова А. А. Потебни, что «язык есть средство понимать самого себя» [5, с. 149] и что «при понимании к движению наших собственных представлений примешивается мысль, что мыслимое нами содержание принадлежит вместе и другому» [5, с. 141]. То «согласие психического состояния слушающего» с говорящим, которое Г. Пауль считал необходимым условием понимания [32, с. 97], представляет собой не реальное тождество, а оценку того, насколько близки модельные миры говорящего и интерпретатора, а в конечном счете, оценку близости их внутренних миров. Легкость понимания определяется не только «количеством средств», затраченных на достижение понимания, но и задачами общения: чисто «количественная» сторона, определяемая «расходом» языковых средств на достижение понимания [32, с. 372], может быть названа «рентабельностью» понимания и определяет границы «терпимости» к неточностям выражения [26] и к трудностям интернализировать сказанное. Заметим, вслед за [33], что ни терпимость, ни эмпатия не предполагают однозначного согласия с мнением.

Отношения внутри модельного и внутреннего миров по-разному осознаются в интерпретации. Это является содержанием шестого модуля: «Для понимания речи нужно присутствие в душе многочисленных отношений данных в этой речи явлений к другим, которые в самый момент речи остаются, как говорят, „за порогом сознания“, не освещаясь полным его светом» [18, с. 44]. В полярных случаях связи остаются вне основного фокуса внимания или, наоборот, входят в этот фокус. Соответственно, различаются фокус понимания и фон понимания (этот фон создается в результате «вложения» неосознанных презумпций интерпретатора в модельный мир).

Соотнесение модельного мира и запаса знаний об объективном мире представляет собой содержание седьмого модуля. В результате интерпретирования запас знаний интерпретатора, или его «информационный запас», постоянно меняется. Понимание, не сопровождаемое таким изменением, представляет тот крайний случай, когда одно и то же высказывание многократно повторяется. Гораздо более типичен тот стиль понимания, который «совершается в нераз-

ривной связи со всею ситуацией осуществления данного знака», и поэтому и понимание самого себя, и «понимание внешнего знака включаются в единство объективного опыта» [9, с. 48].

Другая сторона такого соотнесения, заключающаяся в контроле нашего внутреннего мира над процессом понимания, особенно подчеркнута в концепции «Трактата» Витгенштейна, который приравнивал понимание к знанию тех условий, при которых интерпретируемое суждение отражает истину ([34], ср. [35], [6] и [36], где понимание не ограничивается только этой стороной).

Развитием последнего взгляда можно считать концепцию Я. Хинтикки [37]. С одной стороны, понимание, по его мнению, нельзя приравнивать к построению всех образов, соответствующих конкретному интерпретируемому выражению: для сравнения всей совокупности этих образов с реальностью нам просто не хватило бы всей жизни. С другой стороны, установление условий истинности в этой концепции выглядит как конечный, проводимый шаг за шагом процесс выявления содержания предложения в соотнесении с реальным миром.

Этот подход прямолинейно приложим в случае высказываний с буквальным значением. Труднее дело обстоит, когда мы попытаемся в рамках «истинностной» концепции объяснить, почему даже заведомо ложные и противоречивые высказывания, метафоры, иносказания и т. п. понятны (хотя и не приводят к согласию сторон). Например, предложения *Вот это — стол, на нем сидят и Загнанный кентавр жадно выпил целый круглый квадрат одним залпом* вряд ли можно считать реально верифицируемыми. Однако они понятны вследствие «трансгрессии» (в смысле работы [38]), когда мы выходим за пределы буквального сопоставления тех состояний дел, которые задаются суждением, с реальными отношениями объективного мира (в той степени, в какой он нам известен). Этому способствует и то, что к моменту интерпретации мы уже подготовлены как текстом до данного высказывания, так и опытом общения с говорящим и с его метафорами. В противном случае, после неудачно сказанного естественно ожидать «поправки-извинения» автора речи, ставящей все на свои места (например, подготавливающий контекст может содержать в себе вводное выражение типа *в определенном смысле*, а поправка-извинение — часто, впрочем, молчаливо предполагаемая, — может звучать так: *если представить себе, что наш мир полон чудес*).

Проявлением того, что понимание связано с соотнесением модельного мира, внутреннего мира интерпретатора и знаний о реальных положениях дел, является способность узнавать логические связи между фактами, известными интерпретатору, и задаваемыми ему вопросами. Внутренний мир интерпретатора входит в систему внутренних миров определенного социума — реального (окружающего данного индивида и относительно объективно оцениваемого им, скажем, в терминах таких ролей, как «отец», «мать», «сотрудник», «врач» и т. п.) и воображаемого (субъективные оценки членов социума, персонажи литературных произведений, художественных фильмов и т. п.). Еще одна сторона понимания поэтому соотносит модельный мир со знанием социальной среды: «понимание есть социальный институт, столь же фундаментальный, как и язык. Условия понимания определяются факторами социального характера» [27, с. 176]. Именно к этой сфере относится следование конвенциям общения или их нарушение, проведение стратегий убеждения и т. п. [39]. «Погружение» интерпретации в социум является разновидностью активного понимания.

Восьмой модуль соотносит интерпретацию с линией поведения интерпретатора. Понимание как действие настолько близко по характеру к ответу, что иногда его и приравнивают к невысказанному ответу: «Между пониманием и ответом вообще нельзя провести резкой границы. Всякое понимание отвечает, т. е. переводит понимание в новый контекст, в возможный контекст ответа» [9, с. 83]; «На каждое слово понимаемого высказывания мы как бы наслаиваем ряд своих отвечающих слов. Чем их больше и чем они существеннее, тем глубже и существеннее их понимание» [9, с. 123].

Несколько шире (но включая и названные свойства) представляется понимание некоторым конструкторам систем, «понимающих» естественный язык; так, в [24] понимание определяется как то, что присутствует в диалоге, а именно: а) проявление знания обсуждаемого предмета, б) способность запомнить смысл обращенных к понимающему реплик, в) способность отвечать на вопросы и г) способность задавать вопросы. Эти и подобные функции можно назвать направленностью понимания. Направленность может и не совпадать с ответом на вопросы, реакцией на приказание и т. п. А. Гардинер вообще считал, что подобные реакции не входят в собственно понимание языкового выражения [17]. Несколько в ином аспекте можно говорить о «направленности» в русле «философии обыденного языка», где понимание приравнивается к знанию того, как употребить слово в широком спектре предложений, где оно играет ту или иную роль. Иногда, впрочем, проводилось следующее разграничение: метафора «исполнения роли» уместна по отношению к элементам предложения, сами же предложения — это «пьесы» [40]. Доведенная до логического завершения, эта метафора не представляется правомерной [41, 42]: понимание не всегда «оперирование символами». Все с той же метафорой употребления мы имеем дело в определении понимания как установления класса тех контекстов, в которых данное выражение уместно [см. 43].

Расширительно характеризуя понимание в аналогичном направлении, иногда говорят, что понимать знание — значит использовать это знание уместным образом, а понимать задачу — это знать, какие процедуры необходимы для ее решения [44, 45]. Интуитивно ясно, что в таких случаях речь идет о чем-то, выходящем за рамки языкового понимания.

Девятый модуль связан с выбором «тональности» понимания. Из сказанного вполне естественно сделать вывод, что понимание — это неоднородная группа различных процессов. Интерпретатор всегда должен выбирать «ключ» понимания, или «тональность», чтобы обеспечить единство, целостность понимания. Этот ключ определяет взаимодействие модулей на протяжении более или менее длительного эпизода понимания и определяет само понятие «эпизод» (ср., впрочем, другой подход к понятию «эпизод» в работе [46]). Тональность меняется, когда по одному из модулей или по их совокупности в целом происходит передвижение. Например, на разных этапах общения мы в различной степени проникаемся согласием, симпатией к точке зрения и вообще к личности нашего собеседника; может меняться наше понимание и по степени активности, и по приспособленности к конкретным обстоятельствам интерпретации чужой речи и т. д. То, что можно было бы назвать «духом времени», «стилем эпохи» в применении к пониманию, видимо, есть не что иное, как одна из оценок ключа понимания (в наибольшей степени эта оценка связана с социальными характеристиками). Начиная читать произведение, написанное в известную нам эпоху, мы настраиваемся на нужную тональность, так и не меняя ее на всем протяжении чтения или постепенно передвигаясь в ту или иную сторону по хронологической оси. Например, настроившись на тональность «эпоха Пушкина», мы постепенно можем передвинуться в сторону ключа «современность», забыв удаленность автора от нас во времени настолько, что даже языковые особенности пройдут незамеченными: так один эпизод понимания незаметно переходит в другой.

Степень постоянства ключа понимания является характеристикой данного модуля. Другие понятия из теории музыки — канон, гармония, контрапункт и т. п. — также было бы интересно приложить к сфере понимания.

Итак, мы рассмотрели «модули понимания»; конкретный процесс интерпретации квалифицируется как понимание тогда, когда он оценивается в терминах этих модулей и получает набор характеристик в их рамках. Иными словами, «понимание» — это оценочный метатермин для процесса и результата взаимодействия модулей. Такое взаимодействие не следует рассматривать как переход от одного модуля к другому без возвращений и без параллелизма операций. Модульность предполагает и возможность диссонанса. Так, заставшая нас врасплох шутливо произнесенная угроза

(когда мы не знаем, как расценивать такой акт речи), неизбежные метафоры, неуместное (по оценке интерпретатора) произнесение этикетных фраз (например, *До свидания!*, когда ожидается *Добрый день!*), интерпретирование заумных высказываний и предложений с нарушениями грамматических правил — все это свидетельствует о возможности диссонанса понимания.

Интерпретируя выражение, мы обращаемся к нашим языковым знаниям, получаем «модельный мир», включенный в рамки нашего внутреннего мира, с одной стороны, и в рамки (реконструируемого) внутреннего мира автора речи, с другой. Примерно так можно представить себе выявление замысла высказывания. Модельный мир мы сопоставляем с собственным миром, в разной степени нами осознаваемым. В результате же соотнесения модельного мира, собственного внутреннего мира и нашей «теории объективного мира» мы корректируем тот или иной из них (а возможно, и каждый из них). При этом отражается то обстоятельство, что наш собственный мир входит в социальную систему миров. Получаемые оценки ориентируют нас в собственных действиях, речевых и неречевых. Все процессы интерпретации протекают как построение и верификация гипотез. Взаимодействие модулей и их настрой определяют различные тональности понимания, которые могут меняться от одного эпизода к другому.

«Уразумение» же (а оно не всегда приравнено к пониманию [47]) является разновидностью интерпретирования и зависит в значительной степени от контекста и цели, с которой употреблено высказывание. Кроме того, оно ограничено во времени, а поэтому представляет собой оперативное, а не полное, дедуцирование (параллельно собственно пониманию) обычно небольшого количества выводов, допускаемых суждением (гипотетически обнаруживаемым в интерпретируемом выражении) в рамках уже оцененного интерпретатором контекста речевого общения [48]. Поэтому уразумение вообще невозможно вне конкретной ситуации [49, 50].

Например, в ситуации, расцениваемой как «решение арифметической задачи», мы сразу понимаем предложение *Иван выше Петра, а Илья на два года старше Ивана и выше его*, однако не обязательно сразу можем «уразуметь» соотнесенность Ивана, Петра и Ильи по росту.

Анализ контекста, входя в уразумение, его не исчерпывает: при уразумении информация, извлекаемая из контекста, как бы соплагается с той, которая выводится и из самого высказывания [51]; в частности, «прагматическое» уразумение может быть представлено как серия процессов, во время которых носители языка оценивают высказывания с точки зрения определенных конвенциональных актов общения.

Именно уразумение имеется в виду под термином «понимание» у Гегеля, считавшего, что понять — значит «усмотреть так называемый естественный ход явлений, определяемый законами и отношениями рассудка (например, причинности, достаточного основания и т. д.)» [52]. Понимание делается невозможным, по его мнению, «если предположить существование личностей самостоятельных в отношении друг к другу и в отношении к содержанию объективного мира, а также если предположить абсолютность пространственной и материальной внеположности вообще» [52]. Таким образом, уразумение отличается от собственно понимания той выпуклостью, с которой «теория объективного мира», организующая информационный запас интерпретатора относительно логических связей объективного мира, представлена в интерпретации выражений. Уразумение, как представляется, выходит далеко за пределы лингвистики, являясь одним из проявлений разума в познании. В лингвистический аспект входит, так сказать, процедурная сторона понимания, конкретное же наполнение в виде теории объективного мира — это традиционно философская проблема, имеющая, тем не менее, выход в языкознание. Когда в прикладном языкознании пытаются моделировать уразумение как процесс «вложения» того, что сказано, в рамки уже известного интерпретатору [53], предполагают, что конкретное наполнение («база данных») уже содержательно описана.

В отличие от «непонимания», — случая, когда результат интерпретации не может быть расценен как «понимание», — при недоразумении происходит, по выражению К. Фосслера, на какой-то момент разрыв «духовно-языковой связи» между говорящим и слушающим: например, когда сказанное в переносном смысле понимается буквально [54]. Так, если кто-нибудь на фразу *Нужны мне ваши часы*, по незнанию русской идиоматики, серьезно отвечает: *Они мне и самому нужны*, — речь идет о недоразумении.

Недоразумение происходит, когда интерпретатор не является одновременно автором речи (или автор речи интерпретирует свое высказывание после момента речи). При этом интерпретация могла бы быть оценена как «понимание» с точки зрения «модулей понимания», но, по метаоценке автора, интерпретатора или стороннего наблюдателя, модельные миры говорящего и слушающего различаются в каком-либо существенном отношении.

Недоразумение проистекает вследствие различий при оценке только одного модуля (причем по одной или по нескольким характеристикам внутри него) или сразу нескольких модулей. Например, когда затронут модуль осознания отношений внутри модельного мира (это первый случай из двух названных), различаются недоразумения по поводу фокуса (центра) модельного мира и по поводу презумпций понимания (последнее — когда, скажем, у общающихся сторон имеется необоснованная иллюзия общности презумпций [55]). К межмодульным недоразумениям (это второй случай) относятся недоразумения по поводу идентичности и по поводу релевантности [56]. Первое возникает, когда общающиеся стороны обладают различающимися представлениями о референции конкретных имен и описаний. По такому поводу возможен обмен репликами следующего типа: — *Какой милый пейзаж!* — *Благодарю, это картина моей дочери.* — *Она прекрасна тоже, но я имел в виду вон ту.* Недоразумение по поводу идентичности — результат различий во взглядах на релевантность тех или иных элементов речи. Реакции в таких случаях бывают примерно следующего содержания: *Не вижу никакой связи между этими вещами; Какое отношение это имеет к нашей теме? А мне какое дело?*

Итак, предпосылкой для недоразумения является «почти что понимание».

Завершая, подчеркнем, что *понимать* — это оценочный метапредикат (типа предиката *быть истинным* А. Тарского, но не тождественный ему), который определяется через нейтральный предикат *интерпретировать*, охватывающий гораздо больший спектр явлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Степанов Г. В. О границах лингвистического и литературоведческого анализа художественного текста. — ИАН СЛЯ, 1980, № 3, с. 195.
2. Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения (Семиологическая грамматика). М., 1981, с. 23.
3. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата. — ИАН СЛЯ, 1981, № 4.
4. Лосев А. Ф. О понятии языковой валентности. — ИАН СЛЯ, 1981, № 5.
5. Потебня А. А. Мысль и язык. — В кн.: Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М., 1976.
6. Henson R. What we say. — American philosophical quarterly, 1965, v. 2, N 1.
7. Kronasser H. Handbuch der Semasiologie. Heidelberg, 1952.
8. Кондильяк Э. Б. де. Трактат о системах. — В кн.: Кондильяк Э. Б. де. Соч. в 3-х т. М., 1982, т. 2.
9. Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке. Л., 1929.
10. Хомский Н. Синтаксические структуры. — В кн.: Новое в лингвистике. Вып. II. М., 1962.
11. Lehnert W. G. The role of scripts in understanding. — In: Frame conceptions and text understanding. Berlin — New York, 1980, p. 83.
12. Naess A. A necessary component of logic: Empirical argumentation analysis. — In: Argumentation: Approaches to the theory formation. Amsterdam, 1982, p. 20—21.
13. Kuroda S.-Y. Indexed predicate logic. — In: Chicago Linguistic Society. Papers from the 17th regional meeting. Chicago, 1981, p. 162.
14. Делищев В. В. Философские проблемы семантики возможных миров. Новосибирск, 1977.

15. Зеегинцев В. А. О цельнооформленности единиц текста. — ИАН СЛЯ, 1980, № 1.
16. Лузачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.
17. Gardiner A. The theory of speech and language. Oxford, 1932.
18. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. I—II. М., 1958.
19. Husserl E. Logische Untersuchungen. Bd. 2 — Untersuchungen zur Phänomenologie und Theorie der Erkenntnis. I. Teil. 2. Aufl. Halle (Saale), 1913, S. 74.
20. Anderson J. M. The grammar of case: Towards a localistic theory. London, 1971.
21. Talmy L. Figure and ground in complex sentences. — In: Universals of human language. V. 4. Syntax. Stanford, 1978.
22. Gochet P. Pragmatique formelle: théorie des modèles et compétence pragmatique. — In: Le langage en contexte. Études philosophiques et linguistiques de pragmatique. Amsterdam, 1980. p. 328.
23. Hartmann P. Zur kategorialen Grundlegung der Syntax. — In: Münchener Studien zur Sprachwissenschaft. Bd. 12. München, 1958, S. 49.
24. Raphael B. SIR: Semantic information retrieval. — In: Semantic information processing. Cambridge (Mass.), 1969, p. 33—35.
25. Boost K. Neue Untersuchungen zum Wesen und zur Struktur des deutschen Satzes: Der Satz als Spannungsfeld. Berlin, 1955.
26. Johnson W. People in quandaries. New York, 1946, p. 91.
27. Зеегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. М., 1976.
28. Джозадае Д. В., Стяжкин Н. И. Введение в историю западноевропейской средневековой философии. Тбилиси, 1981, с. 155.
29. Степанов Ю. С. В поисках прагматики (Проблема субъекта). — ИАН СЛЯ, 1981, № 4.
30. Schank R. C. Predictive understanding. — In: Recent advances in the psychology of language. Formal and experimental approaches. New York, 1978.
31. Zammuner V. L. Speech production. Strategies in discourse planning. Hamburg, 1981, p. 35.
32. Пауль Г. Принципы истории языка, М., 1960.
33. Tonisson I. J. Some remarks about the connection between meaning and understanding. — In: Sprache, Logik und Philosophie. Wien, 1980, S. 547.
34. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958.
35. Cresswell M. J. Logics and languages. London, 1973.
36. Holdcroft D. Words and deeds. Problems in the theory of speech acts. Oxford, 1978.
37. Хинтиikka Я. Кванторы, языковые игры и трансцендентальные рассуждения. — В кн.: Хинтиikka Я. Логико-эпистемологические исследования. М., 1980, с. 289.
38. Wolski W. Schlechtbestimmtheit und Vagheit: Tendenzen und Perspektiven. Tübingen, 1980, S. 191.
39. Демьянков В. З. Конвенции, правила и стратегии общения (интерпретирующий подход к аргументации). — ИАН СЛЯ, 1982, № 4.
40. Ryle G. Use and usage. — Philosophical review, 1953, v. 62.
41. Chomsky N. On the generative enterprise. Dordrecht, 1982, p. 12.
42. Searle J. Minds, brains, and programs. — In: The behavioral and brain sciences, 1980, v. 3, № 3.
43. Zwicky A., Sadock J. Ambiguity tests and how to fail them. — In: Syntax and semantics. V. 4. New York, 1975, p. 3.
44. Moore J., Newell A. How can MERLIN understand. — In: Knowledge and cognition. Potomac, 1974.
45. Simon H. A. Models of thought. New Haven — London, 1979, p. 447.
46. Бйм Х. Эпизоды в структуре дискурса. — В кн.: Представление знаний и моделирование процессов понимания. Новосибирск, 1980.
47. Garrett M. Experimental issues in sentence comprehension. — In: Pragmatic aspects of human communication. Dordrecht, 1974.
48. Dowty D. Word meaning and Montague grammar. Dordrecht, 1979.
49. Firth J. R. A synopsis of linguistic theory, 1930—1955. — In: Firth J. R. Studies in linguistic analysis. Oxford, 1957, p. 28.
50. Firth J. R. The treatment of language in general linguistics. — In: Firth J. R. Studies in linguistic analysis. Oxford, 1957.
51. Dijk T. A. van. Studies in the pragmatics of discourse. The Hague, 1981, p. 217.
52. Гегель Г. В. Ф. Философия духа. — В кн.: Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. М., 1977, с. 186.
53. Charntak E. Ms Malaprop, a language comprehension program. — In: Frame conceptions and text understanding. Berlin — New York, 1980, p. 62.
54. Vossler K. Gesammelte Aufsätze zur Sprachphilosophie. München, 1923, S. 186.
55. Raffler-Engel W. The implications of hearer background on the perception of the message. — In: Angewandte Soziolinguistik. Tübingen, 1981, S. 47.
56. Remler J. E. Some repairs on the notion of repairs in the interest of relevance. — In: Chicago linguistic society. Papers from the 14th regional meeting. Chicago, 1978, p. 392.